

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Супружеский долг, или ебота-маета. Часть четвёртая

Онанист считал пороком онанизм, А он спасал тебя от боли, Но истощался организм, Когда
рукам давал ты волю.

Когда по десять раз на дню, Дрочил ты хуй, а то и боле, И всю фантазию свою, Ты подчинял
единой воле.

Какие яркие картины, Твой воспалённый мозг являл, Где много раз и много женщин, Ты, с
наслаждением ебал.

Гоша онанист со стажем, превышающим трудовой на двадцать три года. Трудовой —
тридцать один год. Конечно, воспоминания пятидесятичетырёхлетней давности, когда тебе
всего три годика, окутаны почти непроницаемым молочным туманом, но некоторые эпизоды
рельефны и отчётливы так, как будто вчера это было.

В яслях полдень. После обеда и прогулки, старшую группу укладывает на тихий час
воспитатель. Молодая, красивая и слегка полноватая женщина, улыбаясь и наклоняясь к
ребятишкам, ещё не отошедшим от беготни, гладит их, тихо что-то напевая. И дети, один за
другим успокаиваются, засыпают. Вот она стоит в лучах летнего солнца у окна веранды и
осматривает детей; все ли спят? Её взгляд задерживается на Гоше.

Гоше три года, глаза закрыты и кажется, что он спит, но Людмила Романовна хмурит брови.
Мальчик, сквозь прикрытые, но не плотно веки, наблюдая за воспитателем, видит, как она,
повернув голову, всматривается в него и идёт к нему. Гоша замирает и дышит ровно, как
будто спит. Она подходит и наклоняется. От неё пахнет молоком, хлебом, солнцем и ещё
чем-то; этот запах волнует и вызывает беспокойство (может быть у неё были месячные). Она
приподнимает край одеяла, высвобождает его руки и, уложив поверх одеда и, поправив его,
выпрямляется. Она стоит и прислушивается к его дыханию. Потом, осмотрев ещё раз спящих
детей и, тихо ступая между кроватками, выходит на улицу. Гоша лежит, не открывая глаз, и
ждёт. Людмила Романовна не возвращается и он, раздвигая руки, прячет их под одеялом.
Левой рукой, оттянув резинку трусиков, просовывает туда правую и прикасается к писюльке.
Трогая указательным пальчиком крайнюю плоть и раздвигая её, касается уздечки и начинает
медленно, круговыми движениями, водить пальчиком по головке. Эти касания и эти
движения доставляют наслаждение, от уздечки сладкая истома захватывает весь низ живота,
сжимая и втягивая яички, и жаркими волнами подкатывает к горлу.

Гоша улыбается и засыпает.

С возрастом, вполне невинное занятие, явившееся следствием интенсивного выделения
смегмы и упущением матери по части гигиены ребёнка, переходит в другую стадию.

Я, этот день осенне-ясный, Декады первой сентября, Запомнил, будто день вчерашний; Знать
в память врезался не зря.

Дрочил я, чуть ли не с пелёнок; Годков так эдак с четырёх, Нет, нет, невинный был ребёнок,
Порнушных я тогда не видел снов.

Порнуха снится стала позже, Когда я в первый класс ходил, Когда нас, Пашка Штейн,
однажды, По этой теме просветил.

Белёсый тощий долговязый, Ухмылку не сотрёшь с лица; Курил, ругался; но не грязно, И рос,
конечно, без отца.

Учился в пятом классе Пашка, Большооой для нас авторитет, А мы, всего-то первоклашки, Идём вдоль улицы в конец Деревни. Бабье лето. Комбайны полем рожь стригут, Но разговор идёт про это, И нас комбайны не влекут.

Вопрос серьезный задан Пашкой: «Откуда взялись мы на свет?» Был смело Вовкой дан ответ: «Я в огороде найден мамкой».

У Пашки рот, аж до ушей! По ходу: «Здрассьте» — тётке Зине, Серёжка буркнул поскромней: «Купила мамка в магазине».

А я молчал, и выдал Пашка: «Ну ладно, слушай ребятня: У ваших мамок между ног, Есть волосатая мохнашка, Пизда, по-русски говоря, В пизду засунул хуй папашка, Слил молофью в пизду мамашке, Из молофьи вы появились, У мамки были в животе, Росли, росли, потом родились...» ... Мы шли, подавленно молча; Соприкоснувшись тайны рода; А Пашка задал стрекача, Умчавшись пулей за подводой.

Таким вот образом, открылась Гоше самая жгучая тайна детства.

А потом были подслушанные от старшеклассников похабные анекдоты, в большинстве своём про Вовочку и Мари Ванну училку. Было подглядывание в дырочку девчачьего туалета и забелённые окна женской бани.

Ещё запомнился один весенний день, ему было лет 17, в тот день он дрочил одиннадцать раз и сперма текла и текла и текла..

В армии было не до того и за два года службы он дрочил всего раз десять.

После армии женился не сразу и дрочил, как только появлялась рвущая боль в паху.

Обычно это происходило на восьмой день воздержания.

Когда женился, даже всплакнул, проснувшись ночью. Тогда он думал, что онанизм ему больше не нужен — раз есть всегда под боком жена. А всплакнул, потому что за двадцать четыре года прикипел и даже слился со своей порочной (как он тогда думал) привычкой. Но не спроста видимо говорится в народе: привычка — вторая натура.

И вторая натура проявила себя!

Закончился медовый месяц; прошёл год, другой и в отношениях стали проявляться нестыковки характеров. Они иногда ссорились, Фрюша иногда закатывала сцены ревности, иногда просто обижалась от недостаточного, как ей казалось, с его стороны, внимания. Размолвки тяжело переживали оба, и однажды ночью, Гоша, лёжа рядом со спящей женой, дотронувшись до члена, зудилась крайняя плоть, совершенно непроизвольно стал дрочить. Член возбудился мгновенно, переживания отступили и поблёлки на фоне эротических фантазий, а мозг зафиксировал состояние эйфории..

Вторая натура торжествовала!

Фрюша знала о его привычке. Поначалу сердилась, выговаривала и даже обижалась, но потом, как-то незаметно и сама пристрастилась к этому: к дрочению его члена.

Она долго училась дрочить правильно и наконец научилась делать это плавно и ритмично. И с удивлением обнаружила, что ей это не просто нравится, а доставляет сексуальное наслаждение и вскоре, и очень часто это занятие стало заканчиваться сексом; бурным — с её стороны — сексом.

Но Гошу, она всё также, хотя и не ругала, но всё же журила иногда, прихватив его за этим занятием в ванне.

А Гоша, однажды обнаружил нечто, что заставило его по-другому взглянуть на привычное с

раннего детства, ремесло.

16.07.15